Неродственные связи

Автор:
Лина Манило

Неродственные связи

Лина Манило

Люди говорят, что в сорок лет жизнь только начинается. Мне в свои тридцать восемь не хотелось ничего менять. Стабильная работа, красавица-дочь, друзья… всего этого мне было более чем достаточно. Но судьба не спросила меня о желаниях, и одной зимней ночью, когда я искала свою пропавшую дочь, она столкнула меня с мужчиной, в которого я влюбилась без памяти.

И пусть он – отец моего будущего зятя, и нам не стоит заводить отношения, сердцу не прикажешь. Но вредный бывший муж вдруг появился на пороге, чтобы испортить всё окончательно.

Содержит нецензурную брань.

Лина Манило

Неродственные связи

Пролог

Снова тошнит. Я едва успеваю выключить плиту под кастрюлькой с кашей, закрываю рот ладонями и несусь на всей скорости в туалет. Вперёд, напролом, пока не стало слишком поздно.

Если так продлится ещё немного, от меня вообще ничего не останется. Просто умру от обезвоживания, и никакие врачи мне не помогут.

Тошнит. Падаю на колени, склоняюсь над унитазом, внутренности скручиваются узлом, слёзы брызжут из глаз. Окружающий мир мутнеет и подрагивает, а спазм перекрывает дыхание. На минуту кажется, что вот тут и рухну, ничком на пол, и больше не смогу подняться. В висках стреляет, а гортань саднит, словно я кислоту выпила.

Плохо. Плохо, что я такая дура, и теперь мучаюсь последствиями в виде токсикоза.

В голове туман. Не глядя, протягиваю руку, отрываю несколько бумажных полотенец разом и кое-как вытираю слёзы, губы. Надо собраться, надо привести себя в порядок, надо жить и двигаться дальше. Нужно решить наконец-то, что делать со всем этим счастьем.

Делаю глубокий вдох и, привалившись к стене спиной, закрываю глаза. Плитка холодит разгорячённую кожу, сердце колотится в груди и снова хочется плакать. Господи, что делать-то?

Рожать? В тридцать восемь? Снова остаться одной с младенцем?

Жизнь, сволочь, издевается надо мной. Точно вам говорю, издевается. Окунает раз за разом в одно и то же. Только тогда, в двадцать, я была наивна и самоуверенна. А сейчас?

Всё-таки нахожу в себе силы подняться и так, пошатываясь, иду в свою комнату. Не хочу уже каши, ничего не хочу. Просто лягу сейчас, закрою глаза и посплю немножечко. А потом погуляю и окончательно со всем разберусь. Я же сильная, да? Я однажды уже выжила, одна с ребёнком на руках. И сейчас справлюсь.

Господи, страшно-то как.

Я тяну на себя дверь в свою комнату и замираю на пороге. Потому что… потому что в ней Сергей. Когда только пришёл? Неужели не услышала, как он в квартире оказался? Совсем я, похоже, с головой поссорилась.

Сергей стоит у окна, ко мне спиной, заложив руки в карманы. На нём тот самый свитер, что и в первый день нашего знакомства. Волосы не так тщательно уложены, немного растрепались, и я давлю в себе острое, словно нож, желание протянуть руку и прикоснуться к ним. Они же всё ещё такие же мягкие, да?

– Что… что ты тут делаешь? Как ты вообще в квартиру попал?

Сергей оборачивается ко мне резко, но не пытается приблизиться. Только смотрит, не отводя глаз, а они потерянные и больные. Он побрился, под глазами залегли тени, но это всё равно мой Серёжа, мой. Вот только…

Сергей молчит, запускает руку в волосы, а потом, всё в такой же гробовой тишине, подходит к моему шкафу, с силой распахивает дверцу и вытаскивает на волю…

– Собирайся, – Сергей бросает в центр комнаты пустой чемодан и выразительно смотрит на меня.

– Куда? Я никуда не собиралась ехать.

– Ко мне. Я тебя похищаю.

Я отрицательно качаю головой, пячусь назад и инстинктивно прикрываю живот руками.

– Алиса, – вздыхает и устало трёт шею до красных пятен. – Я знаю, что ты беременна.

– Уже нет.

– Всё ещё да, – безапелляционно, уверенно, устало. – И знаю, что это мой ребёнок. Остальное меня не волнует. А, и ещё я люблю тебя.

– А если я тебя не люблю? Если не хочу тебя видеть? Ты об этом подумал?

– Не верю, – качает головой и снова указывает рукой на чемодан.

Глава 1 Алиса

В сотый раз набираю номер дочери, но в ответ надо мной лишь издевается механический голос, сообщающий: абонент вне зоны доступа.

– Не надо было её пускать на эту проклятую дачу! – говорю в сердцах, едва удержавшись, чтобы не разбить мобильный об пол, а моя лучшая подруга Катя, без которой я бы точно сошла сегодня с ума, горестно вздыхает.

За окном ночь, дороги и тротуары щедро засыпаны снегом, а от Маши ни ответа, ни привета. Ещё немного и из моих ушей повалит пар, а сердце от волнения из груди выпрыгнет.

– Лисичка, успокойся, – просит Катя и смотрит в глаза обеспокоенно. – Просто нужно подождать, Машка обязательно найдётся. Сама понимаешь, молодёжь вырвалась на волю, им точно не до родителей. Небось, отключила аппарат, чтобы ты её не доставала.

Да, в словах Кати есть резон: нам тоже было когда-то восемнадцать. Я прекрасно помню, как вылезала на свидание к красивому мальчику через окно, мечтала лишние минутки побыть вместе, но сейчас я по другую сторону баррикад, потому не перестаю с упорством, достойным маньяка, набирать и набирать номер Маши.

Мой внутренний локомотив запущен, и остановить его может только Апокалипсис.

– Лисичка, ты слышишь? – Катя берёт меня за руку, отнимает телефон и кладёт его в задний карман своих джинсов. – Найдётся Машка.

– Конечно, найдётся, – киваю уверенно, хотя голос и срывается. – А когда это произойдёт, я впервые всыплю ей ремня. Чтобы неделю сесть на задницу не могла. Нет, две!

– Ну-ну, – не верит Катя.

Закусываю губу. Смотрю в окно, за которым в свете фонарей искрит свежевыпавший снег. На ветвях ещё вчера унылых чёрных деревьев лежат нарядные кипенно-белые «шапочки». Эта картина в любой другой момент заставила бы восхищённо вздыхать, пить какао с зефирками и мечтать о чём-то, но только не сегодня.

Что делать? Моей дочери всего девятнадцать и я, наверное, отвратительная мать, раз даю ей столько свободы. Но ведь до сегодняшнего дня никаких проблем у нас с ней не было! Ну, если не считать розовой чёлки в четырнадцать, пирсинга в пятнадцать, да двойки за контрольную в седьмом классе. Но это такие мелочи по сравнению с тем, что она, отпросившись на вечеринку со своими однокурсниками, выключила телефон и просто игнорирует мать.

О том, что могло случиться что-то страшное стараюсь не думать, но контролировать себя получается плохо. Хожу по просторной кухне от стены к стене, кусаю большой палец, чтобы не разрыдаться, и просто гоню от себя жуткие картинки.

Нет-нет, я не впаду в панику.

Мамочки, страшно-то как.

Капля за каплей из меня вытекают жалкие остатки и так полудохлого терпения, а вместе с ним и здравый смысл. Я то ругаю Машку и её безответственность, то проклинаю саму себя, что вообще пошла у неё на поводу и разрешила поехать на вечеринку за город. Верила же, что ничего плохого не произойдёт. Да и дочь моя не из тех, кто, только выскочив за порог, сразу выключают телефон и напрочь забывают о матери. Не такая она и точка!

Нет, так я точно сойду с ума.

Если ничего не сделаю, не использую все возможности связаться с дочерью и понять, что произошло на даче, к утру или кукушкой двинусь, или вообще от инфаркта умру.

– Может быть, в морги и больницы пора звонить? – озвучиваю самое страшное. И чуть подумав, выдаю: – Паршивка!

– Вот-вот, лучше ругай её, так ты хоть не такая бледная, – хмыкает Катя и ставит чайник. Да, нужно выпить чаю, нужно хоть чуть-чуть успокоиться. – Но на всякий случай… сама понимаешь. На улице снегопад, дороги замело. Может быть, в МЧС? Вдруг, какой затор на дорогах, а мы зря паникуем. Или в том месте, где дача эта находится, просто связь не ловит. Ну, или действительно отключила телефон.

Пока греется чайник, мы с Катькой гуглим любую информацию о недавних происшествиях на дорогах, чрезвычайных случаях… Пока загружаются новостные ленты, я повторяю, как заведённая: “Но мне бы позвонили, если бы что-то случилось, да? Как думаешь? Матери бы первой, верно?” Катя на любой мой вопрос утвердительно кивает, не давая расклеиться окончательно.

Слава богу, никаких происшествий мы так и не нагуглили, и это успокаивает.

– Ещё чуть-чуть подождём и в полицию пойдём, – говорю решительно и даже мысленно репетирую убедительную речь.

– Слушай, может быть, Костику позвоним? – выдаёт на редкость гениальную идею Катя, но поздно.

– Я ему уже сто раз звонила, такой же результат. А телефонов других ребят я не знаю, только Костика.

С Костиком Маша познакомилась ещё на вступительных экзаменах и больше они не расставались. Неразлучная парочка, и в последнее время я начала всерьёз опасаться, что могу в тридцать восемь стать бабушкой. И хоть парнишка чудесный, детьми обзаводиться рановато. По множеству причин. Хватит, что я сама рано выскочила замуж за, как тогда казалось, любовь всей своей жизни, а в итоге осталась в двадцать лет одна с крошечным ребёнком на руках. Такой участи для своей дочери точно не хочу.

– М-да уж, засада, – вздыхает Катя и подпирает пухлую щёку рукой. – А семья Костика? Может быть, они что-то могут подсказать? Отец его?

Идея, конечно, гениальная, только я совершенно не знаю, как связаться с кем-то из близких потенциального зятя. Нет, я знаю, что его воспитывает только отец – с мамой они в разводе, и та давно живёт на буржуйском Западе, но я не знаю никаких контактов отца-героя.

Правда, мы с ним, хоть и незнакомы, оказались невольно в одной лодке. Потому что, если он такой хороший отец, как о нём отзывается Костик, то где-то на другом конце города сейчас всклокоченный и нервный мужик точно так же, как и я мерит шагами комнату.

И вдруг, точно гром среди ясного неба, экран мобильного загорается. Пялюсь несколько секунд на незнакомый номер, который мне ровным счётом ни о чём не говорит, не напоминает.

– Кто это? – вторит моим мыслям Катя, а я пожимаю плечами. – Надо брать трубку.

Я и сама это прекрасно понимаю, хотя и страшно до колик в кишечнике. А что, если кто-то решил сообщить мне среди ночи, что с моей дочерью случилась беда? Что если это из полиции или из больницы кто-то меня беспокоит?

Пальцы трясутся, когда я протягиваю руку к настойчиво звонящему телефону, а на ладошках выступает испарина. Они влажные и немного липкие, а у горла тошнотворный комок дышать мешает.

Господи, никогда трусихой не была – наоборот, все и каждый меня считают сильной и волевой, да и сама о себе была такого же мнения до сегодняшнего момента. А тут расклеилась, как дебютантка перед балом офицеров.

– Я слушаю, – приветствую тем временем неизвестного абонента, а он тяжело и напряжённо дышит в трубку.

Маньяк, что ли?

– Алиса Николаевна? – раздаётся хриплый голос с того конца эфемерного провода, и я киваю, точно китайский болванчик, хотя меня никто, кроме Катьки, не видит. – Вы меня слышите?

Абонент тревожится и мне это совсем не нравится. Беру себя в руки и подтверждаю, что я и есть та самая Алиса.

– Алиса Николаевна, это Сергей. Вы случайно не в курсе, где мой сын? Я дозвониться до него не могу.

Однако… вот он – потенциальный сват собственной персоной.

Кажется, я всхлипываю. Или только кажется? Какой-то ком в горле, из-за которого дышать тяжело.

Не знаю, слышит ли это Сергей, чувствует ли моё состояние, да и сам в каком не очень понятно. Но уже одно то, что он нашёл мой номер телефона и звонит, кое-что да значит.

И если отец Костика, как и я, не знает, что с сыном, то всё принимает совершенно пугающие обороты.

– Наши дети поехали на дачу, – выдаю, пытаясь придать голосу твёрдость и уверенность. – Я три часа пытаюсь до них дозвониться, бесполезно.

Меня прорывает: торопливо пересказываю Сергею всё, что пережила за последние несколько часов. Совершенно не задумываюсь, что он может подумать обо мне – вот ещё, волноваться о мнении совершенно постороннего мужчины. Неважно, что у наших детей вроде как любовь, нас с Сергеем это пока ни к чему не обязывает.

Катя сидит напротив, сжимает мою руку, поддерживая, и внимательно смотрит на меня. Ловит каждое слово, иногда кивает, одобрительно улыбается. По мнению моей лучшей подруги, с которой дружим уже много лет – некоторые даже не живут ещё столько – я самая умная, красивая и сообразительная. Катя любит меня беззаветно, я отвечаю ей взаимностью и никого ближе в этой жизни, если не считать дочь, для меня просто не существует. Да, у меня есть и другие подруги, но Катя – отдельный случай.

Когда отец Маши оставил нас, не справившись с ответственностью, Катя была единственной, кто поддержал меня. И за это я буду благодарна ей до

последнего вздоха.

Сергей тем временем слушает мою спутанную речь, не перебивает, хотя мне почему-то кажется, что даётся это ему сложно. Не знаю, откуда такое ощущение, но буквально кожей ощущаю его нетерпение.

– Вы же знали, что они поехали на дачу с однокурсниками? – спрашиваю напоследок, выдохшись.

– Конечно, – и после тяжёлой паузы: – Но я только пару часов как вернулся из командировки, меня несколько недель в городе не было, на улице снег, дороги замело, я еле выбрался. А Костя трубку не берёт. Думал, у вас есть более конкретная информация.

Конкретная информация… сухое словосочетание, а за ним ужас и паника. Каждый из нас борется со стрессом как может. Я паникую, изливая потоки откровений, Сергей наоборот кажется собранным и деловым.

– Похоже, у нас одна проблема на двоих, – почему-то хихикаю, точно малолетняя дурочка, и закрываю рот ладонью. Из меня рвётся истерика глупыми словами, и я очень боюсь наговорить лишнего человеку, который мне совершенно ничего плохого не сделал. Хорошее же мнение у него обо мне сложится, если я не перестану пороть горячку.

Я взрослая женщина, мне практически тридцать восемь. И я отлично знаю, что мнение о родителях накладывает отпечаток на наших детях. Потому, привыкшая со всем справляться сама, все девятнадцать лет не позволяла себе какой бы то ни было слабости. А тут расклеилась, готовая разрыдаться. Несу чушь, впервые за долгие годы позволяю себе паническую атаку.

– Так, я вас понял, – снова очень по-деловому говорит Сергей, а мне видится, что он в этот самый момент смотрит на часы и размышляет о чём-то своём. Даже паузу берёт, что-то обдумывая. – Я знаю, где эта дача находится, потому сейчас туда попробую добраться. А вы, Алиса, телефон не отключайте, ждите моего звонка. Как что-то прояснится, сразу наберу.

Э, нет. Он что, решил, будто я соглашусь сидеть в четырёх стенах и ждать с моря погоды? Он в своём уме?

– Я с вами поеду! – выдаю, потому что действительно не вижу для себя никаких других вариантов. – И это не обсуждается.

Да, между прочим, я тоже умею отдавать распоряжения.

– Это далеко, – осторожно замечает Сергей. – И снега много. Лучше дома оставайтесь, в тепле. Я позвоню, обещаю.

Вот ещё, удумал. Ни в каком тепле я отсиживаться не собираюсь. И ему придётся с этим смириться, потому что не отстану, не дождётся.

– Снегопад давно уже прекратился, но моя дочь не берёт трубку. Вы понимаете? Я ещё раз повторю: её телефон выключен, как и телефон вашего сына. И я с ума тут схожу от невозможности узнать, что с ними случилось. Сергей, вы же тоже отец, вы должны меня понять.

– Ладно, – протягивает как-то обречённо и даже вздыхает глубоко и протяжно. – Говорите адрес, я за вами заеду.

Глава 2 Сергей

Нравится ли мне мысль ехать ночью через весь город хрен знает куда? Вообще нет, но Алиса была такой решительной, так настаивала, что легче было согласиться, чем стать причиной какой-нибудь катастрофы. Потому что показалось: она и сама туда поедет, пешком пойдёт, хоть и адреса не знает, но своего добьётся. А в такую погоду от неё только рожки да ножки останутся, отвечай потом перед общественностью, почему я такой чёрствый эгоист и вообще невозможный человек.

Когда-то я всё это о себе уже слышал. Часто и долго выслушивал, как тогда ещё законная жена, картинно заламывая руки, страдает от моего равнодушия. Собственно, этот спектакль только первые пару раз подействовал на меня так, как ей было нужно. Все последующие привели к одному – разводу.

Судя по тому, какой ошарашенной была Юлька, когда я завёл разговор о нашем расставании, не такого эффекта она добивалась. Впрочем, и не спорила – наверное, наш брак действительно себя изжил, хоть мне и было жаль. Мы женились по любви – как тогда казалось, настоящей, но чего-то не хватило, чтобы случилось долго и счастливо. Тепла, возможно, взаимопонимания. Не знаю, я не большой любитель ковыряться в прошлом. Развелись и точка. Юлька, правда, убивалась недолго: вспомнила, что у неё были отличные задатки в журналистике, устроилась в местную газетёнку. Там, в своей редакции, быстро растолкала всех локтями и на каком-то корпорате снюхалась с издателем крупного глянца.

С ним она и построила светлое будущее, но Костика увозить хер куда к чужому мужику на содержание я не позволил. Собственно, и тут Юля проявила чудеса понимания, потому сын остался со мной, окружённый заботой моей и Юлькиной матерей – вот, кто бы точно не пережил расставания с ним. Но, несмотря ни на что, назвать свою бывшую плохой матерью язык не повернётся – с Костиком они часто созваниваются, Юля в любой момент готова примчаться, если с ним случится что-то. Даже элементарные сопли. Потому сын наш вряд ли чувствует себя несчастным – он у нас отличный парень, понимающий.

Снег, хвала всем подряд, прекратился уже несколько часов как, едва не превратив город в лапландскую резиденцию Санта Клауса. Выезжаю с подземной парковки, морально и физически приготовившись к дальнейшим приключениям. Остановившись у светофора, машинально слежу за дорогой, которую уже успели кое-как расчистить доблестные коммунальщики, не знающие перед выборами губернатора ни сна, ни отдыха.

Правда, чем дальше, тем сугробы выше, а техники на дорогах всё меньше. И вот именно там, в одном из дачных кооперативов, по уши в снегу, наслаждаются тишиной и бесконтрольностью наши с Алисой дети и ещё несколько оболтусов, решившие, что если им разрешено законом покупать алкоголь, то это автоматически даёт право трепать родителям нервы.

Я не верю, что с ними могло случиться что-то серьёзное. Алиса – женщина, ей можно паниковать, но, если и я начну истерически рвать на себе волосы, ничего хорошего из этого не выйдет.

Из-за того, что ещё не все дороги успели привести в божеский вид, путь к дому Алисы занимает больше времени, чем я изначально рассчитывал. Почти час

плетусь на предельно низкой скорости, периодически буксуя, а когда впереди вырисовывается нужное здание, выдыхаю так, словно пробежал сорок два километра марафона.

Район, в котором живёт возлюбленная Костика считается центральным и одним из самых благоустроенных. Новостройки, детские площадки, несколько магазинов, школа в шаговой доступности и отличная транспортная развязка совсем рядом – в любую точку города можно доехать без проблем и быстро. Да только машину хрен втулишь, особенно, когда такие сугробы намело.

А, чёрт с ним.

Выхожу на улицу, едва не вязну в сугробе до самых яиц и оставляю машину на крошечном пятачке под мягким светом фонаря. Тишина оглушительная, а вокруг никого – для прогулок всей семьёй или лепки снежных чудищ с морковными носами слишком поздно. В такую погоду как нельзя актуальна фраза про несчастную собаку и её жестокого хозяина и больше всего сейчас хочется сидеть у камина, пить коньяк и размышлять о вечном, а не пробираться сквозь последствия Апокалипсиса в компании малознакомой женщины.

И не то чтобы я был против свиданий с женщинами, только это явно не оно. Это геморрой на мою несчастную голову, не иначе.

Мороз пробирается даже через одежду, а ветер сбивает с ног, поднимая снежные вихри, бросая их прямо в лицо. Мать его, возвращаясь из командировки, я всего лишь хотел спокойно поужинать и рухнуть на кровать, выспаться наконец-то. Но, похоже, покой мне только снится.

Набираю последний номер в списке вызовов, а Алиса словно только этого и ждала: снимает трубку мгновенно.

– Я уже у подъезда, спускайтесь скорее.

Алиса уже не кажется такой взволнованной, напротив охотно и без всяких споров обещает поторопиться. Но прежде чем положить трубку, говорит то, от чего я начинаю озираться по сторонам, буквально кожей ощущая чужой взгляд на себе:

– Только Сергей… вы в машину вернитесь, пожалуйста, не мёрзните на улице.

И отключается, а я вглядываюсь в фасад дома, пытаясь угадать, за каким именно горящим тёплым светом окном прячется моя сестра по несчастью. Но нет, не выходит – слишком их много, этих огоньков. И я вдруг на очень короткий миг теряюсь во времени и пространстве, потому что это… забота, что ли? Забота, надо же.

Жаль, сигарет с собой нет. Уже лет десять не курю, но в такие моменты очень хочется.

Пока топчусь на месте в ожидании Алисы, жалею, что не подготовился морально к знакомству с потенциальной родственницей. Костик что-то рассказывал о ней, но я почти всё мимо ушей пропустил. Я давно понял, что у сына не просто детская влюблённость, но дружить семьями в мои планы не входило. Пока что, во всяком случае, точно. Но придётся налаживать контакт в экстренных условиях.

Я давно привык, что всё в моей жизни идёт не как у обычных нормальных людей, всё через задницу да наперекосяк. И если другие знакомятся с родителями предполагаемой невестки в каком-нибудь ресторане, в условиях домов и квартир, мы будем притираться в салоне автомобиля в центре снежного пиздеца.

Хлопает входная дверь, а следом на улицу выпархивает тонкая фигурка в ярко-красном пуховике. На ногах нечто похожее на валенки, на голове полосатая шапка, а на плече небольшая спортивная сумка – в таком виде люди на снежных горках кататься ходят. Нет, это какая-то девчушка погулять вышла, точно не моя попутчица.

Отворачиваюсь, ковыряю носком лыжного ботинка снег, а он пушистый, как в детстве, но ярко-красное чудо вырастает рядом со мной, откашливается, привлекая внимание.

– Сергей? – раздаётся низкий грудной женский голос, от которого тонкие волоски на моих руках становятся дыбом.

Нет, это не голос. Это чистейший афродизиак самой высшей пробы. И как я по телефону-то этого не понял? Не до того было, а сейчас сглатываю напряжение и пару раз моргаю.

– Алиса? – вторю, всматриваясь в самые обычные, хоть и довольно симпатичные черты лица. Да ну нет, не может быть. Этой, в смешной шапочке, сколько лет? Лет двадцать пять самое большее, у неё не может быть такой взрослой дочери.

В первом классе, что ли, родила? Или в холодильнике спит?

– Значит, я не ошиблась, – улыбается без тени скованности и натягивает посильнее на уши свою смешную яркую шапку. – Поехали?

Она слегка пританцовывает на месте, глядя на меня, чуть-чуть задрав голову, и дышит на сцепленные в замок ладошки. Варежки в такой мороз – как мёртвому припарка, а от горячего дыхания шерсть вовсе может стать влажной и обледенеть.

Распахиваю заднюю дверцу, потому что у Алисы сумка в руках, и вообще сзади просторнее и намного удобнее, и получаю в ответ благодарную, но холодную улыбку. Вежливую.

– Столько снега намело, ужас, – бормочет себе под нос и, взявшись рукой за распахнутую дверцу машины, энергично приплясывая, сбивает белоснежные комья со своих валенок. – И, вроде бы десять метров прошла, а чуть не увязла. Всё, можно ехать, салон вам не запачкаю.

Алиса поворачивается ко мне лицом, плавно присаживается и напоследок стучит ступнями друг о друга, доводя чистоту подошвы до максимально возможной идеальности. Аккуратистка какая, надо же. Наконец устроившись удобнее, перекладывает сумку себе на колени. На меня больше не смотрит, словно меня вообще не существует, и это… задевает, что ли? Как-то очень давно я не чувствовал себя пустым местом рядом с женщиной.

– Мне Маша рассказывала, где дача их друзей находится, – говорит, когда я, разместившись, завожу мотор. Он тихо рычит, и звук этот отвлекает от мыслей о наших непутёвых детках. – Но в общих чертах, потому я не запомнила адрес. Не думала, что пригодится.

– Хорошо, что я запомнил, – краем глаза слежу за попутчицей, а она будто и этого не замечает. Лишь тихо вздыхает, возится нервно.

Но вдруг, встрепенувшись, подаётся вперёд:

– Кстати! А откуда у вас мой номер телефона?

В машине работает печка, и Алиса сняла с головы полосатую шапку и успела запихнуть её в карман пуховика, потому я вижу, что волосы у неё тёмные и собраны в низкий хвост, из которого выпала тонкая волнистая прядь, а на лбу виднеется небольшой круглый шрам-ямка. Крупнее, чем след от ветрянки, но он не портит впечатление. Просто шрам и шрам.

– У нас в семье есть традиция, заведённая моим отцом.

– Семейные традиции – это прекрасно, – замечает Алиса и, не отстраняясь, внимательно слушает.

История, конечно, самая простая, обычная и не слишком-то интересная, но почему-то мне хочется её рассказать.

И я ни в чём себе не отказываю:

– Нам когда только телефон провели, папа первым делом положил рядом с аппаратом блокнот, в который мы обязаны были записывать номера всех, с кем общаемся. На случай, если что-то случится, родители должны были знать, где нас искать. Брат бухтел, конечно, ему тогда двенадцать исполнилось, самый возраст для протестов, а мне всего семь и я корявым почерком первоклашки выводил каракули на желтоватых листочках. В общем, привычка – вторая натура, потому Костик тоже в теме.

– Да, я давала ему свой номер на всякий случай, – на губах мелькает тень улыбки. – Долго нам ехать, как думаете?

Живое алое пятно в зеркале приковывает взгляд и отвлекает от дороги, но я фокусируюсь на снежном пути впереди, машинально выстраивая правильный маршрут.

– Если ни в какую пробку не встрянем, через пару часов будем на месте, – обещаю, выезжая из тихого двора.

Чем дальше едем, тем выше градус напряжения в машине. Меня всё сильнее раздражает невозможность прибавить скорость, вынужденные остановки и пробуксовывающие в снежной каше колёса. Хочется материться в полный голос, но приходится держать себя в руках, и это тоже бесит.

А Алиса то в окно смотрит, то мой затылок взглядом сверлит, не знает, куда себя деть, нервничает не меньше моего, и её кипучая энергия выплёскивается, как кипяток из чайника. Она постоянно что-то печатает в своём телефоне, периодически тяжело вздыхает, бормочет что-то себе под нос, но меня разговорами не достаёт – варится пока что в своих эмоциях.

Да и плевать ей похоже на меня с высокой колокольни и это правильно. В конце концов, она мать девушки моего сына – уж слишком причудливая родственная связь, чтобы вести долгие и непринуждённые беседы. Или ещё чего похуже.

– Господи, как же долго, – не выдерживает вынужденной тишины и вздыхает едва слышно, а я пожимаю плечами. – Может быть, быстрее поедем? Мы так до утра тащиться будем.

Алиса ёрзает от нетерпения, а я цокаю языком. Похоже, она снова вернулась в острую фазу “утопи собеседника в своей истерике”. Недолго она держалась.

– При всём желании не могу. Вы вообще видели, сколько снега намело?

Алиса фыркает, поводит плечами, будто бы я надоедливое насекомое.

– Не факт, что вообще из города вырвемся, – озвучиваю свои опасения, а Алиса на глазах становится бледнее и бледнее. И я добавляю, чтобы избежать очередного взрыва шумовой гранаты: – Но я очень постараюсь. Сделаю всё, что от меня зависит, клянусь.

– Уж постарайтесь, – бормочет себе под нос. – А то до утра не доедем.

– Уж как-нибудь. Если мешать не станете и от дороги отвлекать, ещё лучше будет.

Алиса уверяет, что очень постарается и на время затихает, хотя, уверен, ей сложно быть сейчас в тишине. И даже умом понимаю, почему она так себя ведёт, откуда эта жгучая тяга спорить и подгонять – нервы. Но мне и своих с лихвой хватает, на чужие моральных сил сейчас не осталось.

А ведь Костик рассказывал, что она адекватная. Я точно это помню.

– Думаете, мне самому приятно плестись черепахой? – всё-таки не сдерживаюсь, но голоса не повышаю. Так, небольшая вспышка, а Алиса снова пожимает плечами, но на радость мне молчит. Только снова в своём телефоне что-то быстро-быстро набирает, торопится. – Что вы там всё печатаете?

Ну, вот какое мне до этого дело? Молчит и хорошо. Но нет, вечно мне больше всех надо.

– У нас свободная страна. Что хочу, то и делаю.

Кажется, к концу путешествия мы друг друга поубиваем.

Глава 3 Алиса

Неуравновешенная идиотка, вот кто я такая.

Соберись, Алиса, просто соберись!

Мой телефон снова тихо вибрирует, а на экране сообщение, – которое уже по счёту? – от неугомонной Кати:

“Я всё равно верю в лучшее, потому Машку вы найдёте. Но меня волнует ещё вот что: какой он? Есть на что посмотреть?”

Катя никак не может найти себе занятие интереснее, чем доставать сообщениями о Сергее. Мается от переживаний, и от этого всякие глупости ей в голову лезут, а потом она этими глупостями кормит меня досыта.

«Посмотри лучше телевизор, книжку почитай. Поспи, ночь на дворе! Сама же говоришь, что всё будет хорошо», – предлагаю варианты досуга, но от Кати так просто не избавиться.

«Что, совсем неказистый, да?»

Мне кажется, я буквально слышу нотки разочарования в бездушных буквах на экране телефона.

Катя давно и прочно замужем, у неё трое прекрасных детей, но она страсть как любит романы, романтические комедии и лёгкие драмы из жизни миллионеров. И чтобы обязательно в конце у безногих отрастали конечности, бедняки становились владельцами миллионов, сироты находили родителей, а у главных героев непременно приключилась в последней главе свадьба и много-много детей.

«Катя, он отец Костика! Зачем мне его рассматривать? Мужик как мужик, обычный».

Катя на время замолкает – наверное, обдумывает ответ, – а я закрываю глаза. Устала смертельно, от волнений за дочь в том числе.

Вот найдём детей, возьму отпуск и куда-нибудь поеду. Хотя бы на пару дней, чтобы никаких телефонных звонков, нервов. Пожалуй, я была бы рада даже какой-нибудь затерявшейся посреди леса деревянной развалюхе, лишь бы подальше от цивилизации, людей и проблем.

“Ты же говорила, что он в разводе. Присмотрись, а? Вдруг мужик хороший, а ты мимо пройдёшь”, – снова пиликает телефон и я, тихо зарычав, удаляю сообщение. Хватит с меня. Кто-то не умеет держать язык за зубами – вернее, пальцы под контролем, – а мне мучайся.

Снова закрываю глаза, и в салоне воцаряется тишина, лишь в недрах автомобиля тихо урчит мотор. Обещаю себе, что не стану больше говорить глупости и срываться – Сергей же не виноват, что у меня всё наслоилось, закипело внутри и прорвало, зацепив ни в чём не повинного мужчину ошмётками моего самоконтроля, как солдата шрапнелью. Он ведь любит своего сына. Настолько, что сорвался за ним в ночь и даже меня согласился терпеть. Потому он точно не заслужил моих вспышек и перепадов настроения.

Но нервы ни к чёрту, и такая я даже самой себе неприятна. Бедный Сергей.

– Придётся в объезд, – говорит тихо, будто бы самому себе объявляет, а я по вибрациям голоса пытаюсь понять, не злится ли он на мои выходки.

Вроде бы, нет. И славно.

– В объезд так в объезд, – покоряюсь судьбе и даю себе клятву, что больше не буду срываться.

– Лучше держитесь крепче, дальше дорога будет только хуже. Вы мать, я понимаю. Но споры до добра не доведут.

– Нет-нет, я правда, умею держать себя в руках. Нашло просто что-то.

Сергей бросает на меня мимолётный недоверчивый взгляд через плечо, но кроме этого никак не реагирует.

Всё-таки выполняю его просьбу: цепляюсь обеими руками за поручень, держусь крепко. И не зря: машину лихо заносит на снежном повороте, и нас едва не выбрасывает в придорожный сугроб. Сергей чудом успевает притормозить, тихо, но весьма витиевато проклиная погоду, природу и зиму.

Не знаю, что делать сначала: хвататься за ушибленную голову или ловить падающую на пол сумку.

Мой голос хриплый и будто бы не мой вовсе, адреналин бьёт в виски, клокочет где-то у горла, и я ошалело озираюсь по сторонам, но, вроде бы, с машиной и с нами всё хорошо.

– Сильно ушиблись? – Сергей кажется не на шутку встревоженным, когда поворачивается ко мне и ощупывает моё лицо встревоженным взглядом. – Не хватало ещё угробить будущую тёщу своего сына.

– Тёща… такое странное слово, – нервно смеюсь, а лицо Сергея расслабляется.

– Свёкор не лучше, – парирует, а на меня накатывает облегчение.

И верится, что всё обязательно будет хорошо.

– Сергей… а хотите кофе?

– Кофе? – удивляется Сергей и устало проводит рукой по лицу.

У него красивые руки с проступающими под кожей венами, длинными холёными пальцами, ухоженными ногтями и широкими очень мужскими ладонями. Искусство в чистом виде. Я никогда не брала в руки уголь или кисти – все мои художественные способности ограничиваются кривым солнышком и палка-палка-огуречик под ним, но такую фактуру хочется запечатлеть в веках.

Боже мой, что за чушь в голову лезет?

– Так хотите или нет? – Торопливо тянусь за сумкой, быстро расстёгиваю молнию и, откинув в сторону матерчатую плашку, извлекаю на волю ещё тёплый термос. – По-моему, нам не помешает.

– Нам бы не помешал сейчас коньяк, – уверенно заявляет Сергей, следя за моими движениями внимательно, будто бы боится, что могу в любой момент подмешать в его напиток стрихнин. – Но кофе тоже отлично.

Достаю из сумки ярко-красные пластиковые стаканчики, которых зачем-то схватила с собой в дорогу не меньше десятка, наполняю один горячим и крепким кофе и протягиваю Сергею.

– Вот, держите. Не знаю, как вы, а я без кофе жить не могу.

Это правда. Могу сутками ничего не есть и даже не пойму этого, но заберите у меня кофе и я превращусь в сонное чудовище.

– У меня ещё бутерброды с индейкой есть. Будете?

Сергей медленно качает головой, слегка щурит тёмные глаза, рассматривает меня уж слишком пристально, а мне хочется понять, чего в его взгляде больше: любопытства или удивления. Или интереса?

– Кстати, мы, кажется, заглохли, – вскользь сообщает Сергей, а я от неожиданности чуть не роняю открытый термос, проливаю немного кофе себе на руку и машинально слизываю терпкие капли. – Вот приключение, да?

– Вы не шутите? – Мне действительно хочется верить, что это такой специфический юмор, щекочущий нервы собеседнику, но, кажется, Сергей предельно серьёзен, хоть и улыбается. – Надо же делать что-то! Нельзя же просто так сидеть. Нужно позвонить кому-то, чтобы вызволили нас отсюда, пешком пойти, в конце концов. Не будем же мы сидеть тут до утра.

Я действительно готова идти пешком, лишь бы не бездействовать. Невыносимо же сидеть и совершенно ничего не делать, если с нашими детьми неизвестно, что происходит.

– Обязательно сделаем, – кивает Сергей со знанием дела и с явным удовольствием глотает кофе, – но пока просто посидим, как нормальные люди. Вы и себе налейте, пожалуйста, мне неловко одному. Сами же говорили, что жить без него не можете. Пейте.

Он не приказывает, больше советует, и я, будто бы на автомате, наполняю второй стаканчик для себя и прячу термос на дно сумки. Делаю пару больших глотков, не обращая внимания, что горячий напиток обжигает язык. Даже горечь не замечаю.

– Да уж, про коньяк было в точку, – говорю, грея руки о тёплый стаканчик, медитирую. – Нам бы сейчас очень пригодился.

Сергей смеётся, но я в этом звуке ничего, кроме усталости не слышу. Похоже, не одна я перенервничала этой ночью, и это осознание сближает нас ещё сильнее. И от этого остатки негатива улетучиваются, и нервозность, снова расшалившаяся, оседает морской пеной, растворяется.

Делать нечего, сидим. Даже Катя, кажется, уже отчаялась выведать у меня подробности, телефон молчит, но тишина не угнетает. Наоборот, словно убаюкивает.

– Как думаете, почему у них телефоны не отвечают? – спрашиваю, хотя ведь сама себе обещала быть спокойной. Но с кем как не с Сергеем мне об этом разговаривать? – Если со связью всё в порядке, то что могло приключиться? Может быть, на даче свет выключили и их телефоны разрядились?

– Может быть, разрядились. Но, скорее всего, просто решили отключить, чтобы их никто не доставал.

– Я думала уж об этом, но Маша никогда так не поступала. И Костик… он такой хороший парень, правда, ответственный. Я его как сына люблю, честное слово.

Сергей слегка наклоняет вбок голову, и мне почему-то неловко от этого взгляда становится. Будто бы сканирует меня, пытается в голову мою влезть, не вскрывая черепной коробки.

– Как сына, – вторит эхом, а в голосе странные эмоции прячутся. Он маскирует их за лёгким покашливанием, а я вдруг отворачиваюсь к окну, не зная, куда себя деть.

Глядя в окно на белеющие вокруг просторы, ловлю себя на мысли, что на такого мужчину хочется положиться. Впрочем, пусть кто-нибудь другой ложится на него, у меня своих проблем достаточно. Да и как я слышала от Маши, Сергей предпочитает женщин моложе себя лет на десять-пятнадцать. Я не очень вдавалась в подробности, но дочь со мной с самого детства абсолютно всем делится, потому так выходит, что знаю намного больше, чем самой бы хотелось.

– Спасибо, – нарочито бодро говорит Сергей и сминает в руке опустевший стаканчик. – Прямо то, что нужно.

Он улыбается, и мне мерещится хитринка в его взгляде. А ещё он натурально подмигивает, и от этого мальчишеской гримасы хочется улыбаться. И я не отказываю себе в удовольствии, хотя в нашей ситуации весёлого мало.

Сергей вообще очень симпатичный: аккуратно подстриженные тёмно-рыжие волосы, модная щетина, острые скулы, высокий чистый лоб, чётко очерченный профиль. Он не красавец и совершенно не в моём вкусе, но что-то в нём определённо есть.

Но нет, это точно не те мысли, которые должны меня сейчас обуревать! Потому что симпатичный отец Костика – точно не тот мужчина, о котором мне стоит размышлять в любом контексте, кроме вынужденного родства.

Пока я думаю о всякой ерунде, Сергей поворачивается ко мне спиной, нажимает какие-то кнопки на приборной панели, проворачивает ключ зажигания, и мотор, пару раз хрипнув, заводится.

– Я же говорил, просто посидим, и всё будет нормально, – говорит и смотрит на меня зеркало, и в глазах хитрые чёртики пляшут.

– Мы же не глохли, да? – озвучиваю внезапно родившуюся мысль, а Сергей пожимает плечами.

– Может быть, глохли, а может быть, и нет.

Он смеётся, а мне хочется стукнуть его. Но, если хорошенько подумать, нам действительно был необходим этот маленький перерыв, передышка в этой гонке по снежному бездорожью.

– Всё равно мы почти уже приехали. – Сергей не рискует прибавлять скорости, но кажется заметно расслабившимся, более спокойным.

Спокойна и я. Потому, когда Сергей, слегка поплутав по снежным улочкам, останавливается у низких кованых воротец, за которым виднеется небольшой, но очень аккуратный домик, мне уже не хочется никого убить. Мне просто нужно удостовериться, что с ребятами всё хорошо.

– Неужели добрались? До последнего не верилось, – смеюсь и толкаю дверцу автомобиля.

Ноги несут меня вперёд, но я жду, когда Сергей последует за мной. Не хочу идти без него, потому что он имеет точно такое же право тут находиться. А ещё рядом с ним спокойнее.

Ворота оказываются запертыми, а в доме горит яркий свет. Я не собираюсь вламываться внутрь, но от нетерпения слегка потряхивает. Ощущение электрического тока на кончиках пальцев будоражит, заставляет сжимать и разжимать руки в бессильной попытке унять дрожь.

Сергей останавливается за моей спиной и, протянув руку, нажимает кнопку звонка. Мы молчим – в словах уже нет необходимости, разве что только хуже сделаем. Не дай бог, кто-то из нас не выдержит и снова сорвётся, лишнее это.

Где-то вдалеке слышится слабая трель звонка, я притопываю на месте, Сергей стоит сзади, а в горящем окне виднеется тень. Сергей ещё раз нажимает на кнопку, а у меня такое чувство, что мы либо не туда попали, либо нам так и не откроют.

И снова трель, но на этот раз к её звуку добавляется хлопок двери и Костик бодрым голосом вежливо интересуется, какого идиота в такую погоду из дома выгнали.

– Отца твоего, – рявкает Сергей, а я чуть не глохну от его окрика.

Глава 4 Сергей

Дети цветы жизни, ведь так? Её украшение, услада и самое большое счастье, да. И кто бы с этим спорил, так не я, но иногда, как бы они не радовали, хочется схватить этот гладиолус за шкирку и хорошенько тряхнуть, чтобы вся пыльца из ушей высыпалась.

Временами отцовство – чертовски сложный ребус, минное поле. Потому что быть родителем – это существование без права на ошибку и бесконечные военные действия с самим собой в первую очередь. И это… утомляет.

“Только не убейте его, пожалуйста”, – зудит в голове просьба Алисы, и это снижает градус моего напряжения. У этой женщины, как ни у какой другой за много-много лет, получилось вывести меня на эмоции, растормошить, дать почувствовать хоть что-то, кроме извечной усталости.

– Значит, романтический ужин при свечах. – Обвожу рукой просторную комнату, в самом центре которой стоит стол. Накрытый белоснежной скатертью, он ещё хранит следы интимного пиршества: в высокой вазе торчит пёстрый букет, а на дне двух бокалов плещутся остатки вина. – То есть никакой вечеринки, да? Никаких однокурсников, празднования удачного завершения сессии и всего в этом духе?

Мне и так всё понятно, но я хочу услышать от сына его версию событий. Костик же стоит напротив, сложив руки на груди, смотрит на меня исподлобья, с вызовом. Всем своим видом пытается показать, что уже взрослый, самостоятельный и опытный мужик в самом расцвете лет. И это забавно, потому что в моих глазах он всё тот же нескладный длинноногий пацан с вихрастым чубом и разбитыми до крови коленками.

– Ну, я не слышу. Константин Сергеевич, не испытывайте моё терпение, оно и так на исходе.

Опираюсь костяшками пальцев на краешек стола, крахмальная скатерть хрустит в ответ на прикосновения, а аромат цветов щекочет ноздри. Окидываю взглядом остатки еды, замечаю мясную нарезку и, не раздумывая, кладу кусочек балыка в рот. Солоно и пряно, и желудок сводит голодным спазмом.

– Пап, ну… ты же сам всё понимаешь. – Костик вздыхает и растирает ладонями шею, давит и массирует до красных пятен и это лучшее свидетельство его растерянности. – Я люблю Машу, у нас же всё серьёзно. Я хотел сделать для неё сюрприз.

– Дядя Коля в курсе был, когда тебе ключи давал?

Дядя Коля или в быту Николаша – мой старший брат и по совместительству владелец этой дачи. И он был первым, кому я позвонил, когда не смог дозвониться до Костика. Он-то мне и сказал, что единственный и горячо любимый племянник спросил у него разрешения на отдых в кругу сокурсников на его благоустроенной территории. Потому я отлично знал, где искать этот дом, ибо найду к нему дорогу с закрытыми глазами.

Это сейчас дом – дача Николаши и всей нашей семьи в том числе, когда-то в нём жила бабушка. Брат долго отстраивал его заново, ремонтировал и наконец-то довёл до ума. А Костик решил довести нас всех до инфаркта.

– Нет, конечно! Это же сюрприз!

Беру ещё один кусочек балыка, кладу в центр тонкого, точно пергаментная бумага, круга брусок твёрдого сыра, сворачиваю рулетиком и, тяжело вздохнув, снова ем. Надо было всё-таки не отказываться от бутербродов с индейкой, да…

– То есть твой сюрприз состоял в том, чтобы довести родителей до белого каления? Обмануть родного дядю? А если бы бабушка решила тебе позвонить, справиться о здоровье любимого внука? Об этом ты подумал, когда это всё устраивал?

Костик вскидывает на меня взгляд, хлопает ресницами – такими же длинными и пушистыми, как у Юльки – и отрицательно качает головой.

– Какой ты всё-таки ещё ребёнок.

– Пап, я правда, не подумал, что ты так рано из командировки вернёшься, – Костик смотрит на меня побитым щенком, и я понимаю: до него наконец-то дошло, чем мог обернуться его сюрприз.

– Как в плохом анекдоте, честное слово, живём. А телефоны, почему не ловят? Тоже сюрприз?

– Я отключил их. Маша даже не знала об этом, клянусь! Я втихаря это сделал, чтобы никто не отвлекал. Просто подумал, что здесь ей очень понравится, тут же красиво. Ну и, в общем, я хотел сделать Маше предложение. Понимаешь

меня? Я хочу жениться на Маше.

Приплыли. Беру в руки бутылку вина, наливаю в первый попавшийся бокал и осушаю залпом, и кислота сухого алкоголя уксусом на языке. Жениться, значит? Я многое хочу сейчас сказать. О том, что рано, что нужно сначала встать на ноги, заиметь хоть какие-то мозги в голове, опыт житейский, работу найти, в конце концов. Шлёпнуть печать в паспорт много ума не надо, а жить дальше как? На голой любви далеко не уедешь. И я уже раскрываю рот, но дверь в нашу переговорную комнату распахивается, и порыв воздуха вносит тонкую и звонкую Машу.

Они с матерью совсем разные: Маша очень светловолосая, белокожая, бледная и высокая. В отца, наверное.

Почему-то мысль об её отце странно царапает где-то под ложечкой. Я не знаю, что это за ощущение и откуда оно взялось в этом эмоциональном хаосе, но избавиться от него не получается. Никогда он меня не интересовал, а тут засело и не выкинешь. Ладно, потом с этим разберусь, есть проблемы важнее.

– Сергей Владимирович! Костик ни в чём не виноват!

Когда мы только вошли в дом, я первым делом запихнул в столовую сына, рявкнув, чтобы никто входить не смел без моего ведома и хлопнул дверью. В тот момент мне плевать было на всех, важным было лишь понять, что вообще происходит, не испугав при этом никого и не вынося сор из избы. Но Маша, похоже, потеряла терпение раньше всех и таки ринулась защищать своего ненаглядного от тирании отца. Смешно, но и… трогательно, что ли? Эта парочка вообще вызывает у меня какое-то умиление – они будто два перепуганных неоперившихся птенца, льнущих друг к другу. Львята, готовые друг за друга грызть глотки. Чудно, право слово.

– Машунь, всё хорошо, правда. – Костик раскрывает объятия, Маша обнимает его за талию, да так и замирает. Гладит его по спине, что-то шепчет, а я ем.

Ем и любуюсь Алисой, стоящей в дверном проёме. Её же внимание всецело занято Машей, и в тёмных глазах читается какая-то тоска. Не знаю, о чём они разговаривали, к чему пришли, ругались ли, но Алиса грустит и это… неприятно. Я мало что понимаю сейчас, но в одном уверен точно: мне не хочется, чтобы она

печалилась.

Мне сложно определить эмоции этой женщины – слишком живое у неё лицо, слишком она импульсивна и непредсказуема, да и знакомы всего ничего, но мысль узнать её получше слишком привлекательная, манящая. И мне, чёрт возьми, совсем за это не стыдно. Чьей бы там матерью она не была, она в первую очередь симпатичная женщина с безумно красивым голосом, а статусы и семейные положения пусть остаются в нужных графах скучных анкет.

– Я говорила маме, что ты не виноват, – бубнит Маша и ластится к Костику, ощупывает, будто бы хочет убедиться, не сочится ли кровь из нанесённых мною ран. – Я ведь сама телефон отключила, с тобой наедине хотела побыть. Сергей Владимирович, Костик ни при чём!

Она такая смешная с воинственно вздёрнутым подбородком, румяная, нахохлившаяся. В голубых глазах решимость, а Костик целует её в висок и что-то нашёптывает на ухо. Маша – тихая и скромная девочка, но сейчас она готова даже со мной схлестнуться, чтобы ничего милому и единственному не сделали.

– Нет, Костя, это я выключила телефон! – настаивает и зыркает на Костика пламенным взглядом.

– С ними бесполезно разговаривать, да? – Алиса опирается плечом на дверной проём и впервые смотрит на меня не как на чужого человека.

И мне это нравится, потому что у нас с ней одна проблема на двоих – наши дети. Впрочем, мне отчего-то жутко хочется, чтобы общего у нас стало намного больше.

И это не внуки.

Наши голубки милуются, о чём-то шушукаясь, Алиса стоит растерянная, а я незаметно достаю из кармана телефон, и, держа его под столом подальше от чужих глаз, открываю вкладку с сообщениями. Я не хочу ни о чём думать, мне не нужен глубинный анализ собственных желаний, мне просто хочется узнать эту женщину получше.

Ну и, конечно, обсудить сложившуюся между нашими детьми ситуацию. Предложение, надо же. Собственно, сын, сам того не ведая, сделал мне подарок – повод для разговора. Не Костик, а шкатулка с сюрпризами.

«Прогуляемся?»

Проходит всего мгновение, требуемое на доставку смс, и спустя долю секунды Алиса вздрагивает. Хлопает себя по карманам, достаёт телефон и смотрит на экран удивлённо. А я беру кусок колбасы и, словно меня вообще не касается причина её замешательства, энергично жую. Дико голодному, мне отчаянно мало этих огрызков колбасной промышленности, но молодёжь, похоже, этой ночью питалась всё больше любовью, а остальное так, для антуража.

Закинув в рот кусочек заветренного сыра, сквозь опущенные ресницы слежу за Алисой и жду какого угодно развития событий: возможно, прямо сейчас мне что-то прилетит в голову, либо буду послан далеко и надолго, или моё сообщение вовсе проигнорируют, оставив без ответа. Но Алиса просто кладёт обратно телефон в карман и, резко развернувшись ко всем спиной, выходит из комнаты.

И это будто бы сигнал, и губы сами по себе расползаются в улыбке.

– Только я вас умоляю, предохраняйтесь, – бросаю напоследок, прежде чем выскочить из комнаты вслед за Алисой.

И это… волнительно, что ли? Алиса, сама того не ведая, разбудила во мне давно погребённые накопленным опытом и лёгкостью побед последних лет инстинкты охотника.

Впереди хлопает входная дверь, я, застёгивая на ходу куртку, двигаюсь следом, и каждый шаг эхом в просторных комнатах. У меня есть немного времени, чтобы передумать. Вернуться к мысли, что Алиса – мать любимой девушки моего сына. Это ничего не усложнит между нами, но мне нравится думать о ней иначе.

Пытаюсь убедить себя, что Алиса ведь самая обычная. Симпатичная? Да, и даже очень, но симпатичных женщин вокруг – пруд пруди. Откровенных красавиц тоже достаточно, но я за каким-то хреном иду, загипнотизированный, именно за ней, словно меня на суперклей посадили, пришпилили булавкой к бархатному полотну и стеклом накрыли.

Остановившись за шаг до выхода – осталось только руку протянуть и толкнуть дверь – кручу телефон в руке. Хочу набрать какую-то глупость, отправить ей, удивить, может быть, но не нахожу нужных слов. В голове вакуум, а где-то под ложечкой сосёт и тревожится, замирает. Снова это дурацкое ощущение, которое навалилось на меня и всё никак не хочет отпускать. Стоит подумать об Алисе, вспомнить её голос, и всё, хоть вперёд ногами выноси.

Значит, только вперёд, да?

Вперёд. И пусть это обернётся самой большой катастрофой в наших жизнях, я не хочу думать о последствиях. В кои-то веки не хочу.

Морозный ветер бьёт наотмашь, запирает дыхание в груди, лишает на мгновение способности нормально соображать. Впрочем, я её утратил, кажется, когда женщина в смешной полосатой шапке впервые сказала мне что-то, и голос её роскошный, неискажённый динамиками телефонов, оказался самым красивым, что я слышал. Чудеса, никогда на такое внимания не обращал, а тут будто бы молнией вонзилось прямо в темечко. Ну, или куда-то значительно ниже.

В конце концов, я взрослый мужик, который давно уже не стесняется утренних поллюций и научился контролировать все плотские позывы. И пусть у меня временами так много работы, что нет времени даже поспать, я далеко не импотент и умею отличить позывы в туалет от желания провести… кхм… время с интересующей меня женщиной.

Когда я только развёлся с Юлькой, трахал, кажется, всё, что видел. Прыгал из одной койки в другую, но, постойте, я женился в двадцать, хранил верность жене и да, я имел право наверстать упущенное. Сколько лет мне понадобилось, чтобы успокоиться? Немного и к тридцати окончательно понял, что секс – прекрасен, но не самоцель. А сейчас мне сорок один, и с моим организмом происходит что-то такое, чему даже названия подобрать не могу. И да, мне нравится это, очень нравится.

Алиса стоит ко мне спиной рядом с высокой елью, ковыряет носком ботинка сугроб, а снег скрипит под шагами, моментально выдаёт моё присутствие, но пусть. Подкрадываться незаметно и тихонько, потом класть ладони на глаза – разве не детский сад?

– Прогуляться, значит? – В её голосе мне чудится усмешка, но Алиса не торопится поворачиваться ко мне лицом. А я останавливаюсь за её спиной, и какие-то уже вовсе подростковые мысли носятся в голове и даже приходится незаметно поправить ширинку.

– Почему нет? Тут красиво.

Я пожимаю плечами, хотя Алиса и не видит меня сейчас. Продолжает стоять, упорно поддевая носком снег, а он каждый раз опадает на землю красивыми хлопьями. Прямо зимняя сказка, а не самая сумасшедшая ночь за последнее время.

– Покажешь? Красоту, в смысле, покажешь?

– Ты перешла на «ты», – улыбаюсь, как идиот, а Алиса поворачивается ко мне и заглядывает в лицо снизу вверх, о чём-то размышляя.

– Пойдём. – Не спрашивая разрешения, беру Алису за руку, невольно вздрогнув от того, какая её ладошка ледяная. Мои тоже прохладные, но я, что тот пёс, имею слегка повышенную температуру тела, так что смогу согреть.

Алиса переводит удивлённый взгляд на наши сплетённые воедино ладони, но молчит. Она притихшая, поникшая какая-то. Наверное, у них с Машей был непростой разговор. Впрочем, у меня с Костиком не легче.

В словах сейчас нет никакой необходимости. Мы выходим из ворот, и они с мягким тихим скрипом закрываются за нашими спинами. Я отлично знаю эти места, и веду Алису вперёд уверенно, хотя и небыстро – слишком много снега намело для забегов, но уже кое-как почистили, потому есть шанс, что по макушку не провалимся. Мне действительно хочется прогуляться, а вокруг на самом деле красиво.

– Ничего себе, – замечает Алиса, когда мы, миновав ряд домов, доходим до конца улицы и попадаем на аллею, по обе стороны которой высоким забором вековые ели.

– Там впереди заповедные места, – объясняю, всё дальше уводя Алису от цивилизации. – Мой дед сорок лет служил здесь смотрителем, я тут каждый закуток знаю, хотя с годами, конечно, всё слишком быстро меняется. Но пока ещё государство не придумало, кому бы продать эту землю. Но там сейчас из-за снега, уверен, непроходимые дебри. Как-нибудь потом проведу экскурсию.

И вдруг задумываюсь. То есть я действительно собрался это делать? Чудеса.

– А воздух-то какой, – Алиса счастливо жмурится и, остановившись, запрокидывает голову. – Я и не знала, что совсем рядом такое волшебство прячется.

– Нет повода не удивиться, да? – улыбаюсь и, не удержавшись, чуть сильнее сжимаю её ладонь.

– Пальцы сломаешь, – говорит тихо, но не пытается высвободить руку из моего плена.

Я ловлю её прищуренный взгляд и слабую улыбку, затаившуюся в уголках губ. И я ступаю мысленно на новую территорию, планируя задержаться на ней какое-то время. Сколько мы так стоим, сохраняя уютное молчание, и снег искрится вокруг, добавляя нереальности во всё происходящее. И я, выпивший всего бокал вина, чувствую себя пьяным, а картинка мира перед глазами слегка подрагивает в зыбком мареве.

– Маша мне сказала, что они с Костиком строят планы на будущее, – с какой-то тихой грустью замечает Алиса и смотрит куда угодно, только не на меня. – Рано ведь…

– Рано, – заявляю убеждённо, потому что действительно так считаю. – Я сам женился в их возрасте.

– И я, – кивает и тяжело вздыхает. – В восемнадцать замуж выскочила. Потом… ай, неважно.

– Тем более.

– Ты жалеешь? Ну, что так рано женился?

– Если я отвечу утвердительно, тогда получится, что и о Костике жалею. – Алиса смеётся, когда произношу это, и снова кивает. – Но сам брак мне огромного счастья не принёс. Так себе оказалась авантюра.

– Хотя тогда казалось, что раз и навсегда, да?

– Женщина, что ты делаешь в моей голове? Как ты мысли мои читаешь? – смеюсь и вдруг понимаю, что мне давно ни с кем не было настолько легко.

Странное ощущение: говорить о своём наболевшем и получать в ответ такую же реакцию. Я никогда не верил в чушь о ментальных близнецах, считал это дичью для восторженных экзальтированных дамочек, но в этот момент я готов поверить во что угодно.

– Честное слово, всё, о чём я мечтала, чтобы дочь не повторила моих же ошибок. – Алиса снова грустит, а мне ничего не остаётся, кроме как признать, что примерно того же самого я хотел для Костика.

– Думаешь, если мы сейчас дружным фронтом им запретим, они не поженятся?

– Шутишь? Я украла паспорт, чтобы замуж выскочить! – уже откровенно хохочет, а я качаю головой. – Не дура ли? Мама его спрятала, я спёрла и вылезла в окно. Так что ни к чему это не приведёт, только хуже сделаем. Хотя, признаюсь, велик соблазн гаркнуть, надвить родительским авторитетом. Но, пожалуй, воздержусь.

– Паспорт она украла, потрясающе, – цокаю языком и делаю шаг вперёд.

Просто шаг, а воздух вокруг сгущается, становится вязким, как мёд.

– Да, это была феерическая глупость, но…

– Помолчи, пожалуйста, – прошу сломанным эмоциями голосом. Алиса округляет глаза до мультяшного размера, а я прикладываю палец к её губам. В них нет модной пухлости, но уверен: они мягкие и сладкие. – Помолчи… потому что твой голос… им же мужиков пытать можно. Пять минут, и они все государственные

тайны выдадут.

Алиса встряхивает головой, а я делаю, возможно, самую большую глупость в своей жизни: накрываю её рот своим.

Глава 5 Алиса

Я даже сообразить ничего не успела, когда Сергей за мгновение одним-единственным шагом перечеркнул безопасное расстояние между нами. Качнулся в мою сторону, и вот он совсем рядом, всецело занял собой моё личное пространство. Вот только что мы обсуждали безумные планы наших детей, потом немного поговорили о прошлом – на удивление очень похожем, и от этой общности и взаимопонимания я размякла и поплыла, и вот он уже просит меня помолчать. А сейчас…

Когда у меня закончились последние отношения? Пару лет назад, да… собственно, они и длились всего несколько месяцев и как-то довольно быстро и безболезненно рассыпались на части. Да, я живая женщина, ещё молодая, совершенно здоровая с кучей планов на будущее, с ворохом надежд и стремлений, полностью состоявшаяся, но… обжегшись на молоке, всегда дую на воду.

И вот чужие губы зависают в нескольких миллиметрах от моих. Они дают всего мгновение на то, чтобы оттолкнуть, избежать, сбежать, но, удивительное дело, в моей голове царит густой туман, я спокойна и расслаблена и не могу думать ни о чём, кроме того, что ждёт впереди.

Мне хочется этого. Я будто бы маленькая девочка, стоящая у ворот, за которыми шумит ярмарка, а там и клоуны, и факиры, и сладкая вата. Нужно только шагнуть навстречу радости.

Коснувшись почему-то очень тёплыми пальцами моего лица, Сергей слегка надавливает на кожу, наверняка оставляет на ней белёсые следы от своих настойчивых прикосновений, а горячее дыхание, кажется, способно растопить все льды на обоих полюсах. Обоняние улавливает аромат мяты и едва

различимый алкоголя, меня закручивает в странном вихре, когда требовательные губы сминают мои.

Поцелуи бывают разные: невесомые, словно летняя паутинка, несмелые, трепетные, нежные, неуклюжие, нахальные. А бывают вот такие – жадные, ищущие, жёсткие, отчаянные. И, кажется, ещё немного и рухну прямо на снег, погребённая под остатками самоконтроля и извечных табу.

И чтобы устоять на ногах, хватаюсь за скользкую ткань лыжной куртки, пытаюсь хоть так удержаться от падения. Важнее всего сейчас – не потерять ориентир, не сбиться с курса, сохранив хоть какие-то границы реальности. Но вместо этого я падаю всё ниже и ниже – туда, где бьётся живое сердце земли, а кипящая лава лижет кожу языками пламени.

Влажный язык проникает в рот, находит мой, сплетается с ним в извечном древнем танце, и где-то рядом на все лады грохочут африканские барабаны. Эта музыка – она не снаружи, она внутри. Вибрирует в солнечном сплетении, и сердце вторит ей, то скользя вниз, то взлетая куда-то к горлу.

Как долго мы целуемся? Возможно всего лишь долю секунды, а может быть, вечность. Разве время имеет значение, когда настолько хорошо в этом ледяном царстве, а вокруг кольцо сильных мужских рук?

– Шустрый какой, – замечаю, когда всё, на что остаётся моих сил, это прижаться лбом к его плечу. Ткань охладела на морозе, и приятно освежает разгорячённую кожу.

– Мне нравится делать то, что хочется, – рокочет где-то вверху его внезапно севший хриплый голос. – Сейчас мне захотелось поцеловать тебя.

Я хочу посмотреть в его глаза. Они у него тёмные, в ночи почти чёрные, но кажется: стоит это сделать, и момент разрушится окончательно. Наступит осознание, что я зря поддалась порыву, не знаю… но что-то точно произойдёт. Но Сергей, похоже, не из тех, от кого так легко спрятаться в привычной для меня скорлупе:

– Посмотри на меня.

Требуя, он ловит пальцами мой подбородок и одним ловким движением заставляет слушаться.

– Алис, это просто поцелуй. Чего ты прячешься?

– Я не прячусь, пф, – фыркаю и даже улыбаюсь, но Сергей качает головой, не веря. – Правда, я просто… чёрт, я триста лет ни с кем вот так вот не целовалась. Да ну, так я не целовалась, кажется, вообще ни с кем.

Губы Сергея – припухшие и от этого чертовски соблазнительные – растягиваются в горделивой и слегка порочной усмешке, а мне хочется его стукнуть. Снова хочется, потому что нельзя быть таким симпатичным. Отцу Костика таким быть нельзя и точка.

– Алиса, мы же взрослые люди, ну… а жизнь такая короткая, чтобы отказывать себе во всём подряд.

– В поцелуях, да? – смеюсь, понимая, что он прав. Только… – А если…

Если, если. Их так много в моей жизни, но мужчина, стоящий так близко, сминает все барьеры, словно это не выстроенные годами каменные бастионы, а перегородки из тонкого картона.

– Молчи, – повторяет недавнюю просьбу, а меня захлёстывает мощной волной жара, когда вспоминаю, что после неё последовало. – Я знаю, о чём ты думаешь. О Маше, о Костике, о том, что нам нельзя, потому что это пошлость и непотребство – целоваться с мужчиной, который произвёл на свет зятя. Верно, я же угадал?

– Теперь я у тебя спрошу: мужчина, что ты делаешь в моей голове? – И смеюсь, поражённая тем, что никогда прежде я не встречала человека, способного так точно угадать, что творится на моём сердце, в мыслях.

Сергей оставляет шуточный вопрос без внимания, а вместо этого убирает мои растрепавшиеся волосы за уши, до самого горла застёгивает на мне пуховик, словно вот такая нехитрая забота – смысл его жизни. И… мне это нравится, честное слово.

– Кстати, домой мы сможем уехать только утром.

– Почему?

– Потому что я выпил, а за руль в таком состоянии никогда не сажусь. В некоторых моментах я жуткий зануда.

– Утром? А как же? Нет, слушай, у меня дел завтра с самого утра вагон, у меня важная встреча с родителями одной из учениц, я не могу.

А потом вдруг думаю: а почему это я не могу? Встреча только после обеда, а до полудня ведь так много времени.

Да, я люблю быть хозяйкой своей жизни, а романтика… на неё как-то никогда не оставалось времени. Любимое дело – студия современного танца – приносит не только деньги, геморрой и проблемы. Она ещё дарит такой чистый кайф, будто мощный наркотик и афродизиак в одном флаконе.

Я благодарна судьбе. Да, даже за то, что восемнадцать лет назад мне пришлось научиться выживать в сложном мужском мире, где женщине практически невозможно выплыть без состоятельного мужа, любовника или покровителя. Да ещё и с ребёнком на руках. Но я счастлива, что мне на пути встретились люди, всегда готовые протянуть руку помощи, подсказать и научить.

Мне никогда не нужна была рыбка, но вот невод… в этом я нуждалась. И у меня всё вышло, потому сейчас, в тридцать восемь, я счастливая женщина: у меня есть любимое дело, которым горжусь, прекрасные ученики, чудесные подруги и умница дочь. А больше мне ничего и не нужно, обойдусь.

Так казалось ещё вчера, да и час назад думала точно так же. Но Сергей… что-то есть в нём, что заставляет вспомнить: ты живая, Алиса, ты ещё можешь быть счастлива.

– Но обещай, что до обеда мы обязательно вернёмся в город, – тревожусь, ибо не могу по щелчку пальцев забыть обо всём важном, что есть в моей жизни. – Мне нужно будет попасть на встречу, я с этими родителями уже месяц хочу побеседовать, но они так сильно заняты.

– Обещаю.

И я верю, что будет именно так, как он сказал. И вдруг понимаю, что мне можно расслабиться.

– Пойдём, – говорит и снова ведёт меня куда-то. – Я покажу тебе одно место, потом сама же уезжать не захочешь.

***

– У тебя есть ключи? – удивляюсь, когда Сергей достаёт связку из кармана тёмно-синей куртки, но в ответ получаю лишь неопределённый кивок головы. – Подожди, дай угадаю… у тебя с самого начала они были?

Сергей тихо смеётся, а я цокаю языком, словно веду беседу с неразумным первоклашкой, решившим показать в школьном коридоре фокусы, но вместо этого пустил здание по воздуху.

– Ты бы предпочла, чтобы мы ворвались в дом и увидели голые задницы наших детей? – Сергей распахивает передо мной створку кованых ворот и пропускает вперёд. – Уж извини, я пока не готов к такому стрессу.

Я тоже, потому приходится согласиться: войти гостями, предупредив о своём приходе звонком в дверь, оказалось неплохой идеей. И хоть у нас с Машей нет особенных секретов друг от друга, и о контрацепции беседы я проводила, но предполагать и видеть своими собственными глазами вовсе не одно и то же.

– Вот сюда, проходи осторожно, а то в сугробе увязнешь, за мной иди. – Сергей ведёт меня в обход дома, а я вновь даю себе обещание немного расслабиться. Получить ли удовольствие? Не знаю, но точно не напрягаться.

Чем дальше мы уходим от места поцелуйного преступления, тем больше я жалею о порыве, которому поддалась. Наверное, это всё события этой ночи, последствия стресса, утомительная дорога, голод, в конце концов, дали о себе знать. И снежное волшебство на той аллее. Да, просто помутнение рассудка и точка. И по-хорошему надо бы срочно отсюда уезжать: постараться вызвать такси, найти автобусную остановку, поймать попутку – что угодно, лишь бы не

искушать судьбу.

Но я согласилась остаться на эту ночь здесь, рядом с Сергеем и не хочется выглядеть ни в чьих глазах истеричной идиоткой, паникёршей – хватит, уже показала себя во всей красе в машине, достаточно.

Пока размышляю обо всём этом, не замечаю, как мы оказываемся у невысокого строения, стены которого от земли до крыши полностью стеклянные, но за ними темнота, и я не понимаю, что это за домик такой. Крытая беседка? Покои прислуги, садовника? Что?

– Зимний сад, – отвечает на невысказанный вопрос Сергей, а я всё охотнее готова верить, что он экстрасенс. – Наша бабушка была большой любительницей цветов, потому Николаша в её память его построил.

– Николаша? – вопрос эхом, а мой взгляд будто бы приклеился к рукам Сергея, проворачивающим ключ в замке. Как ему без перчаток-то не холодно? И без шапки.

– Мой старший брат, – поясняет, распахивая стеклянную дверь. – Подожди, сейчас свет включу.

Старший брат, значит. И это ведь тоже семья Костика. Они все – его семья, и моя дочь, если не передумают, тоже станет её частью, и я…

Господи, как сложно-то. Неужели в ряд мужчин, способных меня заинтересовать, обязательно должен был затесаться будущий свёкр моей дочери? Бред какой-то, сюрреализм и наваждение.

Ай, к чёрту всё, а то голова сейчас взорвётся.

– Проходи, – доносится сквозь туман размышлений голос Сергея, – тут тепло, красиво. Самое то, чтобы ночь переждать.

Я делаю шаг вперёд и оказываюсь в настоящей оранжерее. Разноцветный плиточный пол, стеклянные стены, справа небольшой круглый столик на витой ножке, на котором кто-то забыл книгу, клетчатый плед небрежно наброшен на

кресло-качалку, но самое важное здесь – растения. Цветущие и нет, в широких массивных глиняных горшках, в подвешенных к потолку бочонках, плетутся по стенам и стелятся у ног. Я не сильна в ботанике, но красоту ценить умею. Впрочем, какая женщина не будет в восторге от живых и благоухающих цветов, особенно если за окном зимняя ночь?

– Потрясающая красота, – выдыхаю, потому что никаких других слов не осталось. Даже дыхание перекрывает от восторга.

Сергей смеётся и, взяв меня за руку, всё-таки втаскивает внутрь.

– Я же говорил, что тебе понравится. – Он отпускает меня и отходит на несколько шагов, словно боится стоять так близко. Ничего не говорит, только смотрит, а я не знаю, где остановить свой взгляд, настолько тут волшебно.

– Летом пахнет, – смеюсь, и ощущение, что попала в параллельную реальность, только усиливается.

Сначала снег, потом поцелуй этот, теперь кусочек лета в эпицентре зимы – разве не волшебство? Но мне отчаянно нужно его разрушить, потому что чем дальше, тем сложнее будет собрать себя по кусочкам, отказаться от этого сладкого томления внутри. Нужно расставить все точки в правильных местах, все акценты, иначе будет только хуже.

– Так и будешь в пуховике стоять? – Сергей простым вопросом сбивает мой решительный настрой учинить древнегреческую трагедию. – Нет, как хочешь, но жарко ведь.

И чуть подумав, добавляет:

– Алиса, я не зверь и не насильник, честно. Просто расслабься и отпусти себя, всё будет нормально.

И, будто бы подавая мне пример, резким движением вниз расстёгивает молнию на своей куртке. Сбрасывает её, вешает на стилизованный под голову ящерки с горящими глазками-камушками крючок, и всё это не сводя с меня тёмных глаз. И взгляд этот в противовес словам, и снова сладко замирает в груди.

Сергей остаётся в облегающем фигуру бежевом свитере с косым воротом и тёмных брюках. Я наконец-то могу рассмотреть, что притаилось под толстым слоем зимней куртки, и чуть было не стону от разочарования. Потому что я, чёрт возьми, надеялась там обнаружить пивной живот и узкие плечики! Но нет, Сергей стройный, поджарый и гибкий – не качок, не гора мышц, скорее, любитель плавания или легкоатлет.

Мои пальцы подрагивают, но я надеюсь, что Сергей, занятый игрой в гляделки, не видит этого. Мне не хочется, чтобы он понял, насколько сильно волнует меня, ибо это неправильно. Я ведь решила, что всему виной вдруг проснувшиеся гормоны и долгое отсутствие секса, и это обязательно пройдёт, просто нужно дожить до утра. Мы вернёмся в город, а там каждого закрутит водоворот привычных дел и обязанностей, и схлынет наваждение, и улягутся эмоции.

Просто. Дожить. До. Утра.

– Присядь, я сейчас. – И действительно уходит куда-то, а я отдёргиваю плед, комкаю его в руках, да так и замираю. Хорошо же всё-таки, что бы за этим хорошо не стояло.

В помещении очень тепло, спокойно, но я не тороплюсь располагаться в кресле-качалке ленивой тюленихой. Напротив, мне хочется лучше рассмотреть растения, вдохнуть их аромат полной грудью, помечтать о лете.

Где-то совсем рядом наши уже выросшие дети, а мы тут, словно два подростка, прячемся в оранжерее. От чего только? От себя самих, общества, в котором есть миллионы табу, от детей?

В моей голове слишком много мыслей, и я пытаюсь их хоть как-то упорядочить, но вдруг перед глазами возникает бокал, наполненный шампанским, и крошечные пузырьки оседают на стенках бокала.

– У Николаши, дай ему бог здоровья, отличный винный погреб. Подумал, что тебе не помешает.

Сергей смеётся, и звук этот накрывает меня лёгкой вуалью, усмиряет нервную дрожь.

– Если голодная, там и запасов еды на два апокалипсиса хватит. Принести?

Я качаю головой, потому что никакой кусок мне в горло сейчас не полезет.

– Я мало ем. Привыкла за годы танцевальной карьеры обходиться тремя капустными листами и одной редиской в день.

– Алиса, я завтра тебе позвоню, – выдаёт на одном дыхании и, кажется, ещё ближе подходит.

– Зачем?

– Для всего в этой жизни обязательно нужна причина? – В голосе усмешка, а я впиваюсь взглядом в непокорные пузырьки углекислого газа. Пытаюсь их сосчитать, но тщетно, хотя и отвлекает, заземляет отлично. – Просто позвоню. Снова услышать твой голос мне не запретят никакие условности.

– Ты же говорил, им пытать можно, – отчего-то смеюсь, а Сергей одним движением снимает с моих волос резинку.

– А я мазохист.

Его пальцы пропускают пряди моих волос, играются с ними, а я делаю большой глоток шампанского. И уже не вижу перед собой ни нежных цветов, ни буйной зелени многолетников.

– Алиса, я ни к чему тебя не обязываю, поверь. Но мне почему-то кажется, что тебе самой это нужно.

– Что мне нужно?

– Я.

Хорошо, что не успела ещё один глоток сделать, точно бы шампанское носом пошло.

– Какая самоуверенность.

– Почему нет? Впрочем, я просто позвоню. Хочешь, о свадьбе детей поговорим, хочешь просто сказку мне на ночь почитаешь, о танцах расскажешь или споёшь. Ничего такого, за что потом краснеть придётся.

И я киваю, давая добро. На что только? На вечернюю сказку или на нечто большее? А впрочем, дальше будет видно.

А после выпитого шампанского и странной беседы, я удивительно легко засыпаю в кресле, укрытая пледом. И до самого позднего зимнего рассвета плаваю в ясных блаженных водах, а на душе так легко и спокойно, как не было, кажется, никогда.

Глава 6 Алиса

Где-то рядом пьют кофе.

Это первая мысль, которая настигает меня, стоит только очнуться от сонного марева. Но глаза открывать не тороплюсь, потому что мерещится: стоит это сделать, и волшебство исчезнет. Нет, не хочу этого, хоть убейте меня, не хочу.

А чего хочу? Остаться в этой оранжерее, чтобы за окном снег, а здесь тепло и солнечно. И мужчина… да, и мужчина темноглазый, в светлом свитере и дерзкой улыбкой на губах. И губы его, да, и руки. Вот этого всего хочу, а мучиться раскаяниями не буду. Потому что, Сергей прав, мы взрослые и состоявшиеся, и прятаться в скорлупе – глупо.

А ещё хочу кофе.

– Ты проснулась, я же вижу, – совсем близко, на ухо, и тонкие волоски на шее, невидимые, но ощутимые, приподнимаются. Щекотно, но и сладко.

– А ты пьёшь кофе. – Распахиваю глаза и ловлю улыбку. Щетина на щеках за ночь стала ещё гуще, и вообще Сергей сейчас выглядит таким по-домашнему

уютным, с упавшими на лоб тёмно-рыжими волосами, ещё вечером идеально уложенными.

– Пью, – кивает и протягивает мне большую глиняную чашку, и облачко пара поднимается вверх, танцует странный танец.

Потягиваюсь, совсем не думая о том, как выгляжу сейчас. Наверняка растрёпанная, с отпечатком клетчатой ткани на щеке, заспанная, узкоглазая. Но кому какая разница, правильно?

Моя бабуля, царствие ей небесное, любила повторять, что хороший сон – он самый лучший лекарь. Дай человеку выспаться, и на мир он начнёт смотреть по-другому. Я так долго не позволяла себе такой роскоши, всё время куда-то бежала, держа себя при этом в ежовых рукавицах, прямая, точно палка, сосредоточенная. Но попала вдруг в эту сказку и наконец-то поняла смысл бабулиных слов.

Сейчас, когда хмурый рассвет заглядывает во множество окон разом, а мужчина с тёмно-рыжими волосами протягивает мне – мне! – кофе, я чувствую себя кем-то другим. Свободным и радостным.

Снова потягиваюсь и вдруг понимаю, что Сергей смотрит на меня как-то странно. Нет, не в лицо, не в глаза, а куда-то значительно ниже. При том не просто смотрит, он замер с чашкой наперевес, лицо окаменело, а кадык так и пляшет вверх-вниз, словно Сергею даже сглотнуть тяжело.

И я опускаю медленно глаза вниз – туда, куда мёртвой хваткой вцепился взгляд Сергея. И, Господи, ненавижу эту рубашку! Зачем я вообще её надела вчера?! Собственно, она была первой, висевшей на плечиках в шифоньере, и мне даже в голову не пришло, что буду где-то спать, и эти мерзкие пуговицы так подло меня подставят. Потому что они расстегнулись все! Все, чтоб их, до самого пупка!

– Знаешь, я ведь до вчерашнего дня думал, что взрослый и адекватный. Прямо вот так и считал, веришь?

Я киваю и излишне резко, наверное, натягиваю до самого подбородка плед. Спрятавшись под ним, пытаюсь застегнуть чёртовы пуговицы, но от неловкости дрожат пальцы, а Сергей с невыразимой мукой в глазах следит за моими

манипуляциями.

Сожгу её сразу же, как в город вернёмся, на лоскуты рубашку порву и устрою жертвенный костёр прямо в центре квартиры! Это ж надо так опозориться! Хорошо ещё, бюстгальтер надела самый красивый, как чувствовала, что его придётся помимо собственной воли кому-то показывать. Впрочем, красивое бельё – моя слабость, потому хоть тут не вышло конфуза.

– Честно, я всю ночь думал, что очень терпеливый и рассудительный. Говорил себе, что не стану торопиться и торопить, но, чёрт…

– Теперь иначе думаешь? – Вожусь под пледом, потом понимаю, что всё это – сущая глупость и ясельная группа, потому застёгиваю последние пуговицы, уже не таясь.

– После такого шоу? – Сергей ставит на столик приготовленную для меня чашку, будто бы пролить горячий напиток боится. – О, ещё как! Теперь я молюсь, чтобы кто-то там свыше отсыпал мне терпения, потому что… У тебя невыносимо красивая грудь.

«Невыносимо красивая грудь», надо же.

– А ты, кажется, озабоченный.

Меня забавляет этот разговор. Испарилось смущение из-за рубашки, и больше не хочется прятаться о себя самой. Мы с Сергеем сейчас словно играем в какую-то игру, финал которой предначертан, но всё ещё пытаемся сделать вид, что не для того и не за тем встретились.

– Веришь? Нет. Вот вообще нет. Я хороший мальчик, очень хороший, скромный и воспитанный. – Сергей говорит это таким тоном, что я не выдерживаю и прыскаю со смеху. – Но мама меня научила говорить только правду, потому да, твоя грудь охренеть, какая красивая.

– Вообще-то наши дети где-то поблизости, – напоминаю и опасливо кошусь на стеклянные стены, за которыми, как мне кажется, кто-то стоит и смотрит на меня осуждающе.

– Они уехали в гости к Николаше. – Сергей взмахивает рукой, вытягивает ноги, а движения такие плавные, обманчиво расслабленные, и чувство, что наблюдаю не за мужчиной, а за притаившимся рядом с добычей диким зверем. Вот-вот цапнет. – Так что не оглядывайся, никто нас с тобой не видит.

– Значит, вокруг совсем никого?

– Кроме нас двоих? Никого. – И после паузы: – Ты смутилась.

– Господи! Нет, – смеюсь, потому что сейчас я испытываю, что угодно, но только не смущение.

Сергей вдруг подаётся вперёд, вытягивает в мою сторону руку и зачем-то сильнее кутает мои колени в плед. Сосредоточенный, спокойный, но синяя жилка на виске пульсирует, выдавая его состояние.

– Знаешь, какое слово стало самым частым в моих мыслях? – Его взгляд проходится по моим ногам, поднимается всё выше и выше, пока не останавливается на моих губах. И те в один миг пересыхают и начинают болеть. Кровь приливает к ним, покалывает кожу, и приходится их облизать, чтобы немного ослабить давление взбушевавшейся крови.

– Какое слово?

– “Нравится”. Вот только подумаю о чём-то и сразу в башке это: “нравится, нравится”. А думаю я почему-то только о тебе. Ты мне нравишься, да. Решил, тебе будет интересно об этом узнать.

– Ты всегда такой откровенный? Настойчивый?

Сергей, не разрывая нашего зрительного контакта, резко пододвигает пуфик, на котором сидел всё это время, ближе ко мне, и расстояние между нами сокращается до жалких сантиметров. Мои ноги оказываются зажатыми его коленями, и не вырваться из хватки, а под жадным взглядом не вздохнуть.

– Я не вижу ни единой причины, чтобы не быть откровенным с тобой.

Его дыхание щекочет мою шею, а я, внезапно для себя самой, кладу руки ему на плечи. Мягкая ткань свитера ласкает кожу на ладонях, и зачем-то сминаю шерсть в кулаках. А Сергей глубоко и рвано вздыхает, и его пальцы медленно-медленно проходятся вдоль моих бёдер, ласкают сквозь слои ткани, и это заводит намного больше, чем можно вообразить.

– Назови мне хоть один повод, почему нам нельзя попробовать. У тебя кто-то есть?

– А у тебя?

– Не-а, никого.

– И у меня… давно уже.

– Вот! – Щёлкает меня по носу, будто мне лет шесть. – Дальше… я тебе не нравлюсь? Ну, мало ли. Может, в твоём вкусе мелкие бритоголовые качки.

– Господи, нет! – смеюсь, представив такого экземпляра рядом. – Ты, к сожалению, в моём вкусе.

– Посмотрите на неё, к сожалению… – бормочет и вдруг шумно втягивает носом воздух рядом с моей шеей. – Боже мой, не только голос моё наказание, но и запах. Тогда, если мы решили, что я в твоих глазах очуметь, какой красавец, что нам мешает?

И я вдруг понимаю, что ведь действительно ничего.

– Маша и Костик, – предпринимаю последнюю попытку достучаться. Не до Сергея, нет, до себя. – Это тебе не кажется странным?

– Нет, не кажется, – и тон наполнен решимостью. И я таю. – Они уже выросли, сами с усами, так что это вообще мимо.

– Тогда, если мы тут одни, а до полудня есть время… поцелуй меня. У тебя, как показала практика, волшебные губы.

О да, его губы действительно волшебные. Это не туман, не морок, не проделки памяти, не сонное наваждение – так оно и есть. Потому что иначе я не знаю, как объяснить их действие на меня. И стоит им коснуться моих – на этот раз нежно и ласково, – как внутри, в области солнечного сплетения, взрывается вулкан. И волна самого настоящего смущения прокатывается по моим венам, опаляет багрянцем щёки, и мне кажется: дотронься Сергей сейчас до моего лица, сразу поймёт, что со мной делает.

И от этой мысли смущаюсь ещё сильнее, и это немного настораживает, потому что уже забыла, каково это: таять под чужими губами, трепетать от лёгких и будто бы ничего не значащих прикосновений. Было ли такое когда-то: мужчина лишь проводит пальцами вверх по бёдрам, а в животе бабочки?

Разве что с бывшим мужем в далёкие восемнадцать, но… так, стоп! Это точно не те воспоминания, которые нужны мне, тем более, сейчас.

Жёсткие требовательные губы чуть сильнее надавливают на мои, словно спрашивают разрешения зайти чуть дальше, и я готова подчиниться. Рука Сергея путается в моих волосах, пропускает пряди сквозь пальцы, и кожа головы немеет от этих осторожных, но с каждым мгновением всё более настойчивых ласк. И мурашки бегут вниз по позвоночнику, концентрируются в пояснице, и пучок нервных окончаний где-то в копчике становится одной пульсирующей точкой.

А его язык? О! Он делает со мной такое, от чего пальцы на ногах подгибаются, а пульсация внизу живота доходит до той точки, за которой либо что-то случится, либо разорвусь на части.

Неосознанно начинаю ёрзать – лишь бы унять эту сладкую дрожь и одновременно с тем найти разрядку, нужную точку, за которой блаженство, а Сергей поддевает меня под ягодицы и рывком усаживает на свои колени, впечатывает в свою грудь, и руки исследуют мои бёдра, спину, забираются под рубашку.

– Если я немного сильнее натяну ткань тут, – лёгкое подёргивание сзади, – пуговицы снова расстегнутся? – Хриплый голос проникает через поры, ласкает вибрациями мою глубинную сущность, тревожит, будоражит.

– Наверное. Это вообще очень коварная рубашка, – пожимаю плечами, концентрируюсь на темных глазах, а они затуманены страстью.

И как её физическое воплощение, мощная эрекция упирается между моих ног, провоцируя сладкие судороги и лёгкие спазмы. И ощущение, что завтра никогда не наступит, и эта сладостная мука продлится вечно, а я и рада. Пусть. Чувствовать себя такой живой и свободной – это ли не радость?

Мне хочется усилить давление, потому что иначе не могу, не справлюсь. С ума сойду, честное слово.

– Такая горячая, – движение бёдрами вперёд, и я наконец нахожу ту точку соприкосновения, так нужную мне. И стон рвётся из моей груди, вибрирует на кончике языка. – Идеальное попадание.

Сергей покрывает мои щёки быстрыми жалящими поцелуями, распаляя ещё сильнее, опускается всё ниже и ниже, прикусывает и тут же зализывает крошечные ранки. Всё ниже и ниже, и рубашка раскрывается на моей груди, и слегка шероховатые пересохшие губы накрывают воспалившийся сосок сквозь тёмно-синее кружево бюстгальтера.

Сергей не торопится его с меня срывать, не пытается залезть рукой в брюки – он словно оттягивает самый важный момент, каждую секунду всё сильнее подводя меня к краю. Я смотрю вниз, ловлю его туманный сумрачный взгляд, и он отпечатывается в моей памяти, выжигается вечным узором. Теперь захочу забыть и не смогу.

В глазах туман и похоть, а на губах улыбка – пошлая, раскованная, а горячее дыхание обжигает меня даже сквозь ткань. Юркий язык чертит круги, клеймит собой, а внизу живота искры, и влага сочится из меня, угрожая затопить. Господи, неужели возможно быть настолько мокрой, даже не раздеваясь, без прикосновений и поцелуев туда? Без члена, пальцев, языка? Невероятно.

Тянусь к Сергею, запускаю пальцы в растрёпанные волосы, а они такие мягкие, шелковистые.

– Да, Господи, да! – это мой крик, и он рвёт меня на части, как и оргазм, наступивший так быстро, резко и неумолимо.

И я падаю куда-то, распавшись перед этим на тысячи молекул, развалившаяся на части, мокрая, а сильные руки гладят по спине, прижимают к широкой груди всё крепче.

А низкий голос обещает, что это – только начало.

Глава 7 Алиса

– Нельзя сейчас ломать ребёнку будущее, нельзя, понимаете? – в который раз спрашиваю угрюмую уставшую женщину, сидящую напротив. – Она ведь любит танцы, вы сами это прекрасно знаете.

Женщина молчит, теребит рукав тёплой кофты и смотрит куда угодно, только не на меня. Будто бы в глухую стену бьюсь лбом уже целый час. Я пододвигаю к ней ближе чашку с уже остывшим кофе, но и этот жест остаётся без внимания. Меня просто игнорируют. Встреча наша длится уже больше часа, а тяжёлый разговор похож больше на игру в одни ворота. Ещё чуть-чуть и достану из шкафчика коньяк, ибо это невыносимо.

Ирина Фёдоровна хмурит тёмные широкие брови, всем видом показывая: все попытки достучаться – напрасные. Да что ж такое?

– Ирина Фёдоровна, Ника моя лучшая ученица, наша гордость, – тяжело вздыхаю, почти отчаявшись найти понимание у своей гостьи. Но я не привыкла так просто сдаваться. – У неё действительно талант, редкий талант. Нельзя её забирать, её это убьёт.

Вероника Исаева – девочка невероятно трудолюбивая и способная. Уже шесть лет она учится в моей школе, и я не могу себе представить, почему её матери вдруг взбрело в голову прекратить обучение. Резко и без объяснений. Уже месяц Ника звонит мне, плачет, а я пытаюсь встретиться с Ириной Фёдоровной, звоню и даже домой к ним ходила, но бесполезно.

Наконец-то её мать пришла ко мне для разговора, я обрадовалась, что сможем договориться, Ирина Фёдоровна всё поймёт и передумает, но чем дальше, тем

понятнее – эта встреча тоже ничего не решит.

Ирина Фёдоровна всё-таки удостаивает меня взглядом, а в нём такая усталость, какую я видела в зеркале лет пятнадцать назад.

– Алиса Николаевна, это окончательное решение, – заявляет абсолютно ровным голосом. – Вероника больше не сможет посещать ваши занятия. На этом всё.

Ирина Фёдоровна решительно поднимается, едва не перевернув стул, а у меня руки опускаются. Вот какие слова найти, чтобы убедить Ирину Фёдоровну не делать глупостей? Как втолковать взрослой женщине, матери, что иногда нужно считаться и с мнением детей, а не только делать то, что кажется правильным?

Смогла бы я так же перекрыть кислород Маше? Не знаю. Жизнь – сложная штука, а чужая голова – тот ещё кромешный лес.

– Ирина Фёдоровна, просто подумайте, что будет чувствовать Ника, если вы заберёте у неё танцы. Ей и так тяжело, она переживает, но ещё надеется. Ей ведь уже четырнадцать, трудный возраст.

Вот зачем я всё это говорю? Сыплю прописными истинами, но мне так больно видеть, как мать становится на горло мечте своего ребёнка. Ирина Фёдоровна тем временем идёт к входной двери, но, взявшись за ручку, останавливается. Я вижу, как напряжены её узкие плечи под старенькой шерстяной кофтой, спина – внутри этой женщины определённо борьба, но мы с ней не подруги, чтобы откровенничать.

– Ирина Фёдоровна, может быть, я могу чем-то помочь? – предпринимаю последнюю попытку выяснить, зачем эта женщина так поступает. – Если вы беспокоитесь об оплате, то не нужно. У нас есть квота, Нику переведём на бюджет, всё будет хорошо.

Я знаю, что ступаю на тонкий лёд, но и об их сложном материальном положении тоже наслышана. И вполне возможно, своими словами оскорбляю Ирину Фёдоровну, но я прекрасно помню, как когда-то было тяжело мне самой, и как была благодарна за протянутую руку помощи. Гордость – это чудесно, но когда твоему ребёнку нечего жрать, пойдёшь на что угодно. Мне ли об этом не знать?

– Нет-нет, спасибо. Просто… мой муж…

– Муж? – невольно вырывается из меня, потому что ни о каком муже ничего не слышала.

– Да, будущий, – сверкает робкой улыбкой, а до меня, кажется, начинают доходить и причины, и следствия. – Он говорит, что танцы – это несерьёзно. Я с ним согласна. Надо думать о поступлении в нормальный институт, а не продолжать трясти задницей под музыку.

И тут мне становится обидно.

– Подождите, о чём вы? Нет, я понимаю: хороший институт – это важно. Но и танцы для Ники важны.

– Ничего, вот начнёт думать об учёбе, а не о танцульках, всё наладится.

Ирина Фёдоровна поджимает губы и в защитном жесте вскидывает высоко голову. Я смотрю на тонкую нитку, в которую превратился её рот, на решительный огонёк в светлых глазах и сжимаю под столом кулаки. Где-то за стеной играет музыка, а в одном из классов девочки первого года обучения старательно разучивают новые движения.

“И раз, и два, молодцы, девочки!” – доносится до меня, но словно сквозь вату, потому что Ирина Фёдоровна всё ещё пытается мне объяснить, почему для Ники танцы – пройденный этап. И это невыносимо слышать.

– Павел говорит, что все эти танцы – прямая дорога к проституции. Ничего хорошего из этого не выйдет. А я… я не хочу второй раз остаться одной. Вы же женщина, вы должны меня понять.

И выходит, будто бы, если задержится в моём кабинете на одно лишнее мгновение, случится что-то страшное.

Щёлкает доводчик, дверь закрывается, а я опускаю голову, укладываюсь лбом на прохладную столешницу. Имею ли право осуждать эту женщину, которая просто хочет замуж, счастья, любви? Нет. Но я не могу понять, как можно

позволить чужому человеку ломать жизнь ребёнку, за которого несёшь ответственность. Боже мой, как сложно это всё.

И, наверное, я потому в том числе всю жизнь избегала тех отношений, которые могли бы привести к чему-то серьёзному. Из-за Маши и не жалею. Дура? Возможно, но я бы никогда не позволила, чтобы моей дочери кто-то выставлял условия, если это не родной отец. Сложно всё. А может быть, просто не встретила того, кому могла бы доверить себя и дочь.

Не встретила…

Звонит телефон. Не глядя, протягиваю руку, принимаю звонок, и голос Сергея мёдом в мои уши.

– Я же обещал, что позвоню.

Он явно доволен – даже в голосе слышна улыбка, и я вторю, растягиваю губы, потому что накатывают волной воспоминания о сегодняшнем утре. Сладкие, терпкие, головокружительные.

– Ты всегда такой обязательный?

– Всегда, – меня обдаёт его уверенностью в себе, как волной морской. И я, не открывая глаз, просто слушаю тишину в трубке и тихое дыхание. – Алиса, я заеду за тобой сегодня вечером. В семь сможешь?

– В семь у меня запланирован секс с Киану Ривзом. Прости, никак не могу.

Смеюсь, когда в трубке слышится сдавленный кашель.

– Сергей, ты меня на свидание приглашаешь? – уточняю, потому что очень хочу услышать это ещё раз.

– Да, но… как же Киану? Третьим я даже его не потерплю.

– Я договорюсь, он поймёт, – снова смеюсь, и тягостные впечатления от общения с Ириной Фёдоровной постепенно рассеиваются.

Потом подумаю, что с этим делать, сейчас же мне хочется быть не директором школы, не матерью или ещё кем-то, а счастливой женщиной. Отличное желание, мне нравится.

– А какая форма одежды?

– Я бы сказал, что вообще никакой одежды, но такое счастье только для меня.

– И Киану Ривза.

– Кажется, в моём списке появился актёр, которого я не выношу, – его тон серьёзен, а меня снова разбирает смех.

Мы болтаем ещё несколько минут, а я думаю, что обязательно расскажу вечером Сергею о ситуации с Никой. Может быть, он подскажет, что делать, а чего делать не стоит. Одна голова хороша и всё в этом роде.

Освободиться от привычной рутины удаётся лишь к пяти, и я мчу домой, точно на крыльях. В запасе всего пара часов, а мне ещё собраться ведь нужно. Пока открываю дверь, размышляю, какое платье надеть, какую причёску сделать, стоит ли наносить макияж или ограничиться масками и сыворотками, приводящими кожу в состояние неземного сияния. И только оказавшись внутри понимаю, что в квартире кто-то есть.

И этот кто-то, судя по оставленным в коридоре ботинкам и громкому пению, доносящемуся из кухни, мужчина. И это не Костик.

Когда мы только с Женей познакомились, он тоже пел. И вообще был таким весёлым, ярким, праздничным. Я развесила уши, открыла рот и мне тогда казалось, что вот именно таким и должен быть сказочный принц: высокий блондин с волнистой чёлкой, вечно падающей на глаза, с улыбкой до ушей и яркими синими глазами.

Женя был такой… картинка. Вот бывает, смотришь на человека, и он улыбнётся, а сердце стучит, стучит в каждой клетке, и взгляд оторвать невозможно.

Это потом я поняла, что точно так же на него реагируют и многочисленные его сокурсницы, продавщицы в соседних магазинах, просто мимо проходящие девушки. И ладно бы, на меня тоже парни внимание обращали. Но Жене это нравилось! Он купался в чужом обожании, буквально зависел от него, распускал хвост, и закончилось это печально.

Но первое время Женька ещё пытался быть центром только моей Вселенной, искренне пытался. Даже беременности моей радовался, чисто и по-детски. Только ребёнок, увы, навечно в животе оставаться не хочет. Он рождается, а потом кричит, плачет, мучается от колик, режущихся зубов, не даёт спать ночами, с ним нужно посещать педиатра, гулять на улице и проводить время. А ещё жертвовать покоем, желаниями и друзьями. Хотя бы первое время, но приходится.

И Женя ушёл. Мне от его поступка давно уже не обидно. Но то, что он сейчас в моей квартире поёт свои дурацкие песни, чем-то громыхает, мне ни в одно место не упёрлось. И да, иногда я тоже могу быть злой и жестокой.

– Самохин, что ты тут делаешь?!

В кухне воцаряется тишина. Женя поворачивается ко мне, закидывает залихватским жестом на плечо вафельное – моё, между прочим! – полотенце и расплывается в улыбке.

– Ты как вообще сюда попал?

– Меня дочь впустила, – разводит руками и смеётся, идиот. – В конце концов, ты сама всегда говорила, что я имею право общаться с Машей.

– Надо было запретить, наверное, – бурчу и оглядываю свою небольшую кухню, в воздухе которой витают вполне себе аппетитные ароматы. – Ты что, готовить научился?

Женя подмигивает мне, будто у нас есть какой-то общий секрет, и отворачивается к плите. Что-то там помешивает деревянной ложкой на дне моей любимой кастрюли и снова поёт.

– Самохин, ты можешь толком объяснить, зачем ты пришёл? И если Маша тебя впустила, то где она сама?

– Лисёнок, наша дочь пошла в магазин, что-то к чаю захотела купить.

– К чаю, говоришь? А сам принести ничего не додумался, раз уж решил своим сиятельным ликом Машкину жизнь разукрасить? Признавайся! Она за свои деньги пошла что-то покупать?

Нет, Женя всегда платил алименты. Ну, как всегда? Пытался – во всяком случае, долгов у него к Машкиным восемнадцати не осталось. Но явиться с пустыми руками после длительного отсутствия, словно так и надо? О, в этом весь Самохин. Любите меня, кружите и радуйтесь, что такими отличными генами с вами поделился.

Ай, опять завожусь.

– Не начинай, пожалуйста. Ну, захотел ребёнок папку порадовать, что в этом плохого? Она у нас добрая девочка, что в этом такого? – он говорит это всё, не поворачиваясь ко мне. Иногда прерывается на тихое посвистывание и мурлыканье под нос простеньких мотивчиков. – Присаживайся, Лисёнок, ужин скоро будет готов. Ох, накормлю своих девочек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/manilo_lina/nerodstvennye-svyazi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити